

Сыновья и пасынки времени

(Историческій жребій Спинозы).

Et audivi vocem Domini dicentis: quem mittam? et quis ibit nobis? Et dixi: ecce ego, mitte me. Et dixit: Vade et dices populo huic: Audite audientes et nolite intelligere, et videte visionem et nolite cognoscere. Excaeca cor populi hujus et aures ejus aggravata; et oculos ejus claude; ne forte videat oculis suis et corde suo intelligat, et convertatur et sanem eum.

Isaie VI. 9. 10.

I

Мало кто сейчас рѣшится повторить, ведѣвъ за Гегелемъ, что исторія философіи выявляетъ ступени развитія духа. Современные историки философіи свысока относятся къ такого рода отвѣченными построениямъ. Они хотятъ быть прежде всего историками, т. е. правдиво разсказывать «то, что было» и впередъ отвергаютъ всякія, связывающія свободу изслѣдованія, предвзятая идеи. Если вѣрить тому, что говорятъ люди, то можно подумать, что никогда еще не было въ нихъ такъ сильно стремленіе къ свободному изслѣдованію, какъ въ наши дни. Первая заповѣдь современной философіи: ты долженъ освободиться отъ всѣхъ предпосылокъ. Предпосылка объявлена смертнымъ грѣхомъ, принимающіе предпосылки — врагами истины.

Спрашивается: выиграли-ли мы отъ того, что явели новую заповѣдь, новый законъ. У апостола Павла есть загадочныя слова: «Законъ же пришелъ, чтобы умножилось преступленіе». И точно — гдѣ законъ, тамъ и преступленіе. Какъ ни трудно намъ примириться съ этимъ, нужно сказать: не было бы законовъ, не было бы преступ-

лений. Въ данномъ случаѣ, люди сказали бы открыто, что для нихъ ихъ предпосылки важнѣе, чѣмъ ихъ философія, важнѣй всего на свѣтѣ, что все дѣло ихъ жизни въ томъ, чтобъ провозгласить и отстаять свои предпосылки.

У Декарта, «отца новой философіи», который первый провозгласилъ заповѣдь: да не будетъ въ философіи предпосылокъ (онъ это формулировалъ въ словахъ — *de omnibus dubitandum*), была, конечно, своя предпосылка. Какая то могучая, неодолимая сила, которой онъ бы не могъ назвать по имени и имени которой онъ и не допытывался, но которая имъ владѣла безраздѣльно, влекла его неустойчиво къ одной цѣли: *во что бы то ни стало изгнать изъ нашей жизни тайну*. Истина, говорилъ онъ только въ томъ, что можетъ быть ясно и отчетливо (*clare et distincte*) познано. Все, что познается смутно, все таинственное истиной быть не можетъ. И это утвержденіе по его мнѣнію — уже не предпосылка. Это то, въ чемъ никто, нигдѣ, никогда не сомнѣвался и сомнѣваться не могъ: ни люди, ни ангелы, ни даже самъ Богъ. Чтобъ впередъ устранить всякую возможность упрековъ и возраженій онъ самъ началъ съ того, какъ онъ увѣряетъ, что во всемъ усомнился. И только, когда убѣдился, что есть истина, которая выдерживаетъ напоръ какихъ угодно сомнѣній, онъ сталъ философствовать — твердо увѣренный, что теперь философія уже не можетъ сбиться съ пути, ибо добыла, наконецъ, вѣрный — не талисманъ — а компасъ, о которомъ люди мечтали чуть-ли не съ сотворенія міра. Самъ Богъ, училъ Декартъ, хочеть, долженъ хотѣть, чтобъ мы обладали истиной. И это было для него сужденіемъ столь же яснымъ и отчетливымъ, стало быть несомнѣннымъ, какъ и то первое, открытое имъ сужденіе, которое онъ формулировалъ въ словахъ: *cogito ergo sum*. Богъ не хочеть обманывать людей. *Velle fallere vel malitiam vel imbecillitatem testatur, nec proinde in Deum cadit: желаніе обмануть свидѣтельствуетъ либо о злостности, либо о слабости и, стало быть, Богу приписано быть не должно. Богъ не хочеть быть обманщикомъ и, главное, если бы и хотѣлъ, то не могъ: cogito ergo sum.*

Кто не читалъ произведеній Декарта, тому трудно даже вообразить себѣ тотъ необычайный подъемъ и пафосъ, ту взволнованность, которыми они преисполнены. Несмотря на видимую отвлеченность темы, это — не трактаты, а вдохновенныя поэмы. Даже прославленная философская

поэма Лукреція — *de rerum natura* — написана далеко не такъ сильно и пламенно, хотя, какъ извѣстно, у Лукреція была своя предпосылка, во многомъ напоминавшая декартовскую, и тоже для него гораздо болѣе близкая, чѣмъ тотъ эпикуровскій атомизмъ, изложенію котораго она посвящена. Декартъ, повторяю, стремился къ одному: освободить міръ, жизнь, людей отъ тайны и отъ таинственныхъ силъ, державшихъ все въ своей власти. Зависимость — даже отъ всесовершеннаго Существа — казалась ему невыносимо тягостной и мучительной. Онъ довѣрялъ только самому себѣ. И при мысли, что нѣтъ никого во вселенной, кто хотѣлъ бы, кто могъ бы обмануть его, что никому не нужно довѣрять, вѣрить, что онъ самъ (себѣ то онъ вѣрилъ безусловно!) отыиѣлъ хозяинъ и творецъ своей судьбы, душа его исполнялась экстатическимъ восторгомъ, трактаты превращались въ поэмы, торжествующія, ликующія, побѣдныя пѣсни. Богъ не хочетъ обманывать людей, Богъ не можетъ, хоть и захотѣлъ бы, обмануть людей. Надъ Богомъ и надъ человѣкомъ есть вѣчный «законъ». Если только ясно и отчетливо разглядѣть этотъ законъ, все тайное станетъ явнымъ, тайна исчезнетъ изъ міра и люди станутъ, какъ боги.

Люди станутъ, какъ боги! Декартъ такимъ языкомъ не говорилъ. Это черезъ двѣсти лѣтъ послѣ него такъ говорилъ Гегель. Декартъ былъ принужденъ еще не договаривать, онъ еще помнилъ, какъ намъ объясняютъ исторіи, участь Галилея. Даже и современники такъ о немъ думали. Боссюэтъ писалъ о немъ: «monsieur Descartes a toujours craint d'être noté par eglise et on lui voit prendre des precautions qui allaient jusqu'à excès». И все таки, при всей своей осторожности, онъ гениально, неподобно выполнилъ свою историческую миссію. — Декартъ знаменуетъ собой конецъ тысячелѣтней «средневѣковой ночи», тотъ великій «сдвигъ» или поворотъ, съ котораго начинается новая исторія новая мысль. При томъ Декартъ былъ истиннымъ «сыномъ своего времени». Къ нему всецѣло, если даже угодно, по преимуществу могутъ быть примѣнены слова Гегеля: «каждая философія, именно потому, что она есть выявленіе (*Darstellung*) нѣкой особой ступени развитія, принадлежитъ своему времени и связана съ его ограниченностью (такъ и сказано у Гегеля: *Beschränktheit*). Индивидуумъ — сынъ своего народа, своей земли, существо которыхъ онъ только выражаетъ въ своей особой

формѣ. Отдѣльный человѣкъ можетъ какъ угодно бороться, но вырваться изъ своего времени для него такъ-же невозможно, какъ вылѣзть изъ своей кожи. Ибо онъ принадлежитъ единому общему духу, который есть его собственное существо и сущность» (Hegels Werke XIII, 59).

Слова замѣчательныя — они стоятъ того, чтобъ надъ ними задуматься! Въ особенности въ виду той безпечной самоувѣренности или, если хотите, наивной довѣрчивости, съ которой они произнесены и которая, кстати сказать, всегда сопровождается ясными и отчетливыми сужденіями, *ut unusquisque, qui certitudinem intellectus gustavit, apud se sine dubio expertus est* (Спиноза, теол. пол. тракт. гл. I)!

Философія, учить насъ Гегель, — величайшій изъ рационалистовъ — обречена на ограниченность духомъ своего времени и нѣтъ у человѣка никакихъ способовъ вырваться изъ этой ограниченности. И это его нисколько не смущаетъ, даже напротивъ чаруетъ его, ибо это то, что больше всего похоже на желанную, такъ давножданную научную истину т. е. то, что постигается *clare et distincte*, столь ясно и отчетливо, что нельзя даже заподозрить, чтобъ и самъ Богъ, какъ бы ему того ни хотѣлось, могъ на этотъ разъ ввести насъ въ заблужденіе. И даже, послѣ того, какъ человѣкъ, прочитавъ написанное у Гегеля, что онъ сынъ своего времени и въ своихъ сужденіяхъ выражаетъ не истину, а только то, чего хочется въ данный историческій моментъ общему духу, ему все же не только не дано вырваться изъ ограниченности, но даже не дано эту ограниченность почувствовать и оцѣнить какъ иѣчто недолжное, извнѣ навязанное, какъ отвратительный, давящій кошмаръ, о которомъ — если и нельзя проснуться отъ него — то хоть сказать себѣ, что это не дѣйствительность, а только мучительный сонъ. Выявляй случайную, ограниченную истину и довольствуйся этимъ, даже радуйся, ликуй.

Тотъ-же Гегель, въ томъ же сочиненіи, даже въ той же главѣ, изъ которой взяты приведенныя строки, пишетъ: *die Philosophie ist nicht ein Somnambulismus, sondern vielmehr das wachste Bewusstsein*. Но, если правда то, что онъ сказалъ о духѣ времени, — то философія, то, что Гегель называетъ философіей, есть чистѣйшій сомнамбулизмъ и философское сознаніе есть самое сонное сознаніе. Правда, тутъ очень важно отмѣтить, что само по себѣ сомнамбулистическое состояніе, вообще говоря, не можетъ счи-

таться такой бѣдой, можетъ быть, даже, въ немъ «счастье.» Сомнамбулы, какъ извѣстно, продѣлываютъ такія вещи, которыя людямъ бодрствующимъ представляются сверхъестественными. Быть можетъ сомнамбулистическое мышленіе полезно и даже очень полезно. Но во всякомъ случаѣ, какъ бы полезно оно ни было, если бѣ даже выяснилось, что величайшія научныя открытія и изобрѣтенія дѣлались людьми въ сомнамбулистическомъ состояніи (всѣ шансы за то, что это предположеніе вѣрно) — философіи никакъ нельзя соблазняться пользами и выгодами, даже очень большими пользами и выгодами. Такъ что, хотимъ или не хотимъ, намъ все же придется, по правилу самаго Декарта — *de omnibus dubitandum* — усомниться въ его предпосылкѣ и спросить себя: да точно-ли ясныя и отчетливыя сужденія никогда не обманываютъ насъ? Не наоборотъ-ли? Не есть-ли отчетливость и ясность сужденій признакъ ихъ ложности? Иначе говоря, что Богъ и *хочетъ* и *можетъ* обманывать людей. И что именно тогда, когда ему суждено обмануть людей, онъ посылаетъ имъ философовъ, посылаетъ имъ пророковъ, которые внушаютъ имъ ложныя, но ясныя и отчетливыя сужденія.

И все же Гегель *правъ*, въ гораздо большей степени правъ, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. Декартъ былъ сыномъ своего времени и его время было обречено на ограниченность и заблужденія, которыя ему суждено было выявить и возвѣстить какъ истины; поразительно, что изъ всѣхъ предикатовъ Бога Декарта интересовалъ только одинъ — отрицательный: Богъ не можетъ быть обманщикомъ. Декарту только нужно было отъ Бога, чтобъ онъ не мѣшалъ ему дѣлать научныя изысканія, т. е. чтобъ Богъ не вмѣшивался въ человѣческія дѣла. Все равно Онъ во всемъ человѣка обмануть не можетъ. *Cogito, ergo sum.* Воззвавъ человѣка къ жизни, т. е. къ мышленію, Богъ этимъ самымъ принужденъ былъ открыть ему, что онъ, человѣкъ, существуетъ, т. е. первую истину. Открывъ же ему первую истину, Богъ уже открылъ ему этимъ самымъ и истину о томъ, каковы признаки истины т. е. даль ему возможность постичь, что истинны только ясныя и отчетливыя воспріятія. Точка опоры найдена — новыя Архимеды могутъ увѣренно продолжать свое дѣло. Они уже не молятся: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь или избави насъ отъ лукаваго, они только почтительно предлагаютъ Богу не вмѣшиваться въ человѣческія дѣла:

noli tangere nostros circulos. Такъ радостно и восторженно училъ, покорный духу своего времени, Декартъ. Такъ, вслѣдъ за Декартомъ и до него, учили и многіе другіе замѣчательные люди XVI и XVII столѣтій. Всѣ были убѣждены, что Богъ не хочетъ и не можетъ насъ обманывать, что источникъ нашихъ заблужденій — мы сами, наша свободная воля, что ясныя и отчетливыя сужденія не могутъ быть ложными: того требовалъ всемогущій Духъ времени...

Но, вотъ другое. Паскаль былъ младшимъ современникомъ Декарта. И, какъ Декартъ, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей научной мысли своей эпохи. Провозглашенное Декартомъ ученіе о ясныхъ и отчетливыхъ сужденіяхъ ему было хорошо извѣстно. Зналъ онъ тоже, конечно, что Духъ времени былъ съ Декартомъ и могъ тоже легко догадаться и, вѣроятно, догадался, чего Духъ времени требовалъ отъ дѣтей своихъ. Но отъ выполненія требованій этихъ уклонился. Въ отвѣтъ на ликующее Декартовское «*claire et distincte*», онъ мрачно и угрюмо отрубзалъ: не хочу ясности и *qu'on ne nous reproche pas le manque de clarté, car nous en faisons profession*. Т. е. ясность и отчетливость убиваютъ истину... Такъ говорилъ Паскаль, тоже, какъ и Декартъ, сынъ XVII столѣтія, тоже французъ и тоже, подчеркиваю, замѣчательный ученый...

Какъ же случилось, что два человѣка, которымъ въ бы полагалось принадлежать къ единому общему Духу и выявлять, стало быть, сущность своего времени и своего народа, говорили столь разное. Или Гегель «не совсѣмъ» правъ. Изъ кожи своей, повидимому, никакъ не выльзешь — но послушаться Духа, вырваться изъ ограниченности своего времени иной разъ человѣку все же удается? И второй вопросъ: гдѣ искать послѣднюю окончательную истину? У мрачныхъ и угрюмыхъ ослушниковъ Духа, которые, вопреки невозможности, вырываются изъ власти своего времени, или у тѣхъ, кто съ невозможностью не спорить и, твердо вѣруя, что разумъ человѣческій отъ разума божественнаго ничѣмъ не отличается, съ торжествомъ и ликованіемъ мчатся впередъ по большой дорогѣ исторіи? Ибо въ томъ, что большая дорога исторіи открыта только для покорныхъ — едва-ли ктонибудь усомнится. Паскаль со своимъ загадочнымъ *profession* оказался въ сторонѣ отъ событій, отъ «развивавшейся» идеи.

Случайно сохранились у насъ его отрывочныя и безпорядочныя «мысли», но властителемъ душъ былъ и остался до нашего времени не Паскаль, а Декартъ. Декартъ былъ истиннымъ выразителемъ единого общаго Духа, о которомъ намъ разсказалъ Гегель. И стало быть — если подъ истиной разумѣть то, что выдерживаетъ испытаніе вѣковъ — истина была у Декарта.

II

Современная философія, какъ я сказалъ, не признаетъ предпосылокъ. Еще больше боится она легендъ и мифовъ. Какъ мы видѣли уже, философія безъ предпосылокъ никогда обойтись не могла. Сейчасъ увидимъ, что и легенды, и мифы для нея являются столь-же необходимыми, какъ и предпосылки.

Всѣ знаютъ, что, по ученію Библии Богъ создалъ челоуѣка по своему образу и подобию, и создавши, *благословилъ его*. Это — альфа и омега Библии, въ этомъ — душа ея или, если позволите такъ выразиться, въ этомъ сущность библейской философіи. Но, вѣроятно, далеко не всѣ знаютъ, что эллинскій міръ тоже имѣлъ свою легенду или свой мифъ о происхожденіи челоуѣка и что этотъ мифъ лежитъ въ основаніи всѣхъ почти древнихъ философскихъ системъ и что въ замаскированномъ видѣ онъ принятъ цѣликомъ и новѣйшей рационалистической философіей. Все, что говоритъ Гегель въ приведенныхъ выше словахъ объ Общемъ Духѣ и индивидуумѣ есть только приспособленный ко вкусамъ нашего времени пересказъ этого мифа. Анаксимандръ такъ передаетъ этотъ мифъ. Отдѣльныя вещи, появившись на свѣтъ, т. е. самовольно вырвавшись изъ единого общаго лона къ индивидуальному бытію, тѣмъ совершили великое преступленіе. И за это великое преступленіе онѣ подвергаются величайшей карѣ — уничтоженію. «Всѣ отдѣльныя вещи» т. е., прежде всего, живыя существа, и изъ живыхъ существъ прежде всего, конечно, люди. Не Богъ добровольно, какъ разсказано въ Библии, создалъ людей, и создавши, ихъ благословилъ; не съ благословенія, а вопреки волѣ Бога, люди самочинно и преступно вырвались къ бытію, на которое они не имѣли никакого права. И, стало быть, индивидуальная жизнь по самому существу своему есть несчастъе

и оттого же она въ самомъ себѣ таитъ угрозу величайшаго наказанія — смерти. Такъ училъ первый греческій философъ — Анаксимандръ. Такъ училъ и послѣдній великій философъ древности — Плотинъ: ἀρχὴ μὲν τοῦ κακοῦ ἢ τέλει, καὶ ἡ γένεσις (начало зла дерзновенно рождение т. е. появление отдѣльныхъ существъ). Тому же, скажу еще разъ, учить людей современная философія. Когда Гегель говорить, что индивидуумъ принадлежитъ Общему Духу (на этотъ разъ «понятіе» не болѣе, а менѣе ясно, чѣмъ «представленіе» — и въ такой же степени мифологично: оттого я все время пишу Духъ съ прописной буквы), онъ только повторяетъ Анаксимандра. И еще прибавлю для полноты: легенда Анаксимандра не имѣетъ придумана, и даже не греками. Она занесена въ эллинскій мѣръ съ востока — родины всѣхъ легендъ и мифовъ, которыми жила и живетъ, но которыя не хочетъ признавать Западъ.

И такъ — двѣ легенды. Человѣкъ, какъ индивидуальное существо явился на свѣтъ согласно волѣ и съ благословенія Бога. Индивидуальная жизнь появилась во вселенной вопреки волѣ Бога и потому, по самому существу своему, нечестива, и смерть т. е. уничтоженіе — есть справедливое, естественное возмездіе за преступное своеволие.

Какъ же рѣшить и кто рѣшить, гдѣ правда? Создалъ ли Богъ людей для жизни или они сами дерзновенно вырвались хитростью, обманомъ, къ жизни? А можетъ и такъ: однихъ людей создалъ Богъ, другіе сами, противъ воли Бога, проложили себѣ путь къ бытію? Отвѣтить на всѣ эти тревожные, роковые вопросы можетъ только, по нашему мнѣнію, человѣчскій разумъ. И онъ отвѣчаетъ: послѣднее предположеніе совершенно неприемлемо. «Не можетъ быть», чтобъ метафизическое существо не было одинаковымъ у всѣхъ людей. Тоже очевидно, что люди не съ благословенія Бога появились на свѣтъ. Повседневный опытъ насъ учитъ, что все, что возникаетъ — подтверждено тлѣнію, все, что рождается — умираетъ. Даже болше того: все, что рождается т. е. имѣетъ начало, должно умереть т. е. окончиться. Это уже даже не опытъ намъ говорить, это — самоочевидно, это та ясно и отчетливо сознаваемая истина, *veritas aeterna*, противъ которой возраженія совершенно невозможны, которая даже для Бога обладаетъ той же принудительностью, что и для людей. Смерть есть естественный, т. е. сообразный съ природой

вещей конецъ того, что имѣть своимъ началомъ рожденіе.

А разъ такъ, то уже безспорно, что отдѣльный человѣкъ незаконно вырвался къ бытію и стало быть не имѣть права на жизнь. И то, что повѣствуетъ Библия, явно ложно. Принять библейское сказаніе значитъ отказаться отъ ясныхъ и отчетливыхъ истинъ Декарта и сдѣлать свое profession изъ паскалевскаго *manque de clarté!* Больше того: самъ библейскій Богъ, о которомъ разсказывается, что Онъ, по своему образу и подобію создалъ человѣка, есть мнѣ и лживое измышленіе. Ибо Богъ, по образу и подобію котораго созданъ человѣкъ, т. е. Богъ личный, Богъ индивидуумъ есть «смутное», т. е. ложное представленіе. Истинное понятіе есть понятіе ясное и отчетливое — тотъ Общій Духъ или Духъ Общаго, о которомъ мы слышали отъ Гегеля.

Такъ «думали» древніе греки, такъ думали люди, возрождавшіе въ новое время науки и искусства, такъ думаютъ наши современники. Но назвалъ все своимъ настоящимъ именемъ впервые Спиноза.

... *Nam intellectus et voluntas, qui Dei essentiam constituerent, a nostro intellectu et voluntate toto coelo differre deberent nec in ulla re, praeterquam in nomine, convenire possent; non aliter scilicet, quam inter se conveniunt canis, signum coeleste, et canis, animal latrans.*

Такимъ языкомъ заговорилъ ученикъ Декарта. Что Спиноза былъ ученикомъ Декарта спора быть не можетъ, какъ не можетъ быть спора и о томъ, что онъ былъ сыномъ своего времени. Еще не успѣлъ, выражаясь образно, догорѣть костеръ, на которомъ сожгли Джордано Бруно, — и Спиноза дерзаетъ во всеуслышаніе заявить, что всѣ разсказы Библии о Богѣ — чистѣйшія измышленія фантазіи. Гегель черезъ двѣсти лѣтъ повторялъ Спинозу (вѣдь весь Гегель цѣликомъ изъ Спинозы вышелъ), но онъ никогда не дѣлалъ даже попытки говорить такъ открыто и рѣзко. И не изъ осторожности: его уже не пугала ни судьба Бруно, ни судьба Галилея. Но у Гегеля не было нужды, не было внутренней потребности такъ говорить. Спиноза уже до него сказалъ и сдѣлалъ все, что требовалось. И Декартъ не говорилъ языкомъ Спинозы отнюдь не потому только, что боялся преслѣдованья церкви, какъ полагалъ Боссеюэтъ. Если бы онъ ничего не боялся, онъ бы все же такъ не сказалъ: воля и разумъ Бога имѣютъ столько же общаго съ волей и разумомъ человѣка.

сколько созвѣздіе Пса съ псомъ, лающимъ животнымъ. Такъ говорить человѣкъ только когда онъ чувствуетъ, что въ словахъ его заключено не сужденіе, а приговоръ смертный, роковой, послѣдній.

Я взялъ небольшой отрывокъ изъ «Этики» Спинозы. Не скажу, чтобъ такихъ сужденій можно было бы набрать очень много въ сочиненіяхъ и письмахъ Спинозы. Наоборотъ, открытыя признанія и рѣзкія, вызывающія утвержденія у Спинозы встрѣчаются сравнительно рѣдко и, когда встрѣчаются — всегда какъ то совершенно неожиданно, словно они вырываются противъ его воли изъ какой то загадочной, сокровенной даже для него самого, глубины его существа. На поверхности же всегда «математическій методъ»: спокойныя ровныя, ясныя доказательства. Онъ только и говоритъ, что *o clare et distincte*, словно ничто, кромѣ ясности и отчетливости его не занимало. Нужно думать, что, если бы ему довелось прочесть слова Паскаля о томъ, что можно изъ недостатка ясности *faire profession*, онъ бы сказалъ — любимое выраженіе Спинозы, — что Паскаль одинъ изъ тѣхъ людей, которые снятъ съ открытыми глазами или видятъ сны на яву.

Спиноза не зналъ Паскаля, но строй мыслей, которыхъ держался, за которые, если хотите, судорожно цѣплялся Паскаль, былъ Спинозѣ, конечно слишкомъ хорошо знакомъ, — и онъ считалъ своей *исторической миссіей* именно съ этимъ строемъ бороться. Ибо, когда Паскаль утверждалъ, что онъ не приемлетъ ясности, онъ отвергалъ какъ разъ тотъ завѣтъ, который Духъ времени принесъ всемъ сынамъ всехъ передовыхъ народовъ Европы XVI и XVII столѣтій. Джіордано Бруно пошелъ уже на костеръ во исполненіе требованій могучаго Духа, Кампанелла всю жизнь свою провелъ въ тюрьмахъ и подвергался жесточайшимъ пыткамъ, Галилей только притворнымъ отреченіемъ спасся отъ участи Бруно. Всехъ наиболѣе замѣтательныхъ людей этой эпохи съ неудержимой силой влекло, несло къ одной общей цѣли. Все съ радостью, съ великимъ ликованіемъ искали того, что Декартъ окрестилъ словомъ: *clare et distincte*. Во что бы то ни стало изгнать, выкорчевать, съ корнемъ вырвать изъ жизни тайну и таинственность. Тайна — тьма, тайна — самый страшный врагъ человѣчества.

И только рѣдкіе, одинокіе люди, въ родѣ Паскаля, не раздѣляли общей радости и ликованія, словно пред-

чувствуя, что *clare et distincte* или *lumen naturale* таитъ въ себѣ великую угрозу и что Духъ времени, безраздѣльно овладѣвшій лучшими умами эпохи, былъ Духомъ лжи и зла, а не Истины и добра. Но, Паскаль, какъ я уже говорилъ, стоялъ внѣ исторіи. Можетъ быть потому, что онъ былъ тяжело боленъ, а можетъ быть тяжкая болѣзнь была расплатой (или наградой? и такое можетъ быть) за неповиновеніе Духу времени. Исторія гораздо сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ думалъ Гегель, и исторія философіи, если бы она не соблазнялась упрощенными и потому имѣющими видъ убѣдительности построениями, могла бы увидѣть кой-что такое, что много интереснѣе и значительнѣе, чѣмъ ступени развитія и довлѣющая себѣ диалектика. Можетъ быть, тогда выяснилось бы, хоть отчасти, откуда та сила, которой Духъ покоряетъ себѣ людей и каково назначеніе этого Духа.

Можетъ, мы тогда постигли бы, что задача исторіи философіи вовсе не въ томъ, чтобы изображать «процессъ развитія» философскихъ системъ, что хоть такой процессъ и наблюдается, но онъ не только не вводитъ насъ въ святая святыхъ философовъ т. е. въ ихъ завѣтнѣйшія мысли и переживанія, но лишаетъ насъ возможности общенія съ наиболѣе замѣчательными людьми прошлаго. Исторія философіи, да и сама философія должна быть и была часто только «странствованіемъ по человѣческимъ душамъ» и величайшіе философы всегда были странниками по душамъ.

Наша же исторія о Паскалѣ, какъ о философѣ, молчитъ. И «историческое» значеніе Спинозы опредѣлилось не тѣмъ, что было для него самымъ существеннымъ и значительнымъ, а тѣмъ, что онъ, противъ своей воли, во исполненіе требованій Духа времени, говорилъ и дѣлалъ. Ибо это нужно неустанно повторять — наша исторія вообще и исторія философіи въ частности заинтересована исключительно, выражаясь словами Гегеля, «общимъ», въ убѣжденіи, внушенномъ намъ эллиническими философами, что только «общее» — есть истинное и дѣйствительное, а все «отдѣльное», по самому своему происхожденію, преступное, нечестивое и иллюзорное.

Вліяніе Спинозы на послѣдующую философію было безмѣрно. И именно потому, что онъ, въ противоположность Паскалю, не уклонился отъ возложенной на него Духомъ времени миссіи. Думаю, что не будетъ преувели-

ченіемъ сказать, что не Декартъ, а именно Спиноза долженъ быть названъ отцомъ новой философіи, если подѣ философіей разумѣть міросозерцаніе въ широкомъ смыслѣ этого слова, если искать въ ней того, что греки называли *πράξις ἀρχαία*, *ἡλικράτα πέντων*, или, какъ Плотинъ, τὸ *πρῶτον*.

Декарта, мы помнимъ, мысли о Богѣ совершенно не тревожили. Если Богъ не хочетъ и не можетъ обманывать людей, если Богъ по своей природѣ неизмѣненъ и всегда себѣ равенъ (оба «если» равнозначущи — оба служатъ условіемъ возможности положительнаго, научнаго знанія) — это все, что требуется. Большаго отъ «совершеннаго существа» Декартъ не ждалъ и ждать не хотѣлъ. Когда онъ провозгласилъ свое *de omnibus dubitandum*, онъ и не собирался точно *vo всемъ* усомниться! Усомниться нужно было только въ томъ, что кто бы то ни было во вселенной можетъ мѣшать человѣку создавать науку — физику, аналитическую геометрію, *primitiam philosophiam*. Онъ былъ впередъ увѣренъ, что, если онъ останется одинъ съ собой, что, если только злые, но могущественные геніи или добрые, но не постоянные боги не станутъ мѣшать ему, то онъ создастъ совершенное знаніе.

Какъ могъ рѣшиться одинокій человѣкъ, вчера родившійся на свѣтъ и обреченный умереть завтра, какъ могъ рѣшиться онъ взять на свою личную индивидуальную отвѣтственность такую гигантскую, казалось бы непосильную задачу? И вотъ подите же: рѣшился и нисколько даже не испугался. Наоборотъ радовался и диковалъ: Богъ не вмѣшивается въ наши дѣла, Богъ внѣ насъ или, лучше сказать, Бога нѣтъ. Явно, что Декартъ даже не подозрѣвалъ, что онъ затѣялъ, провозгласивъ свои *de omnibus dubitandum*, *clare et distincte* и постоянного, неизмѣннаго Бога, не желающаго и не могущаго, еслибъ онъ и пожелалъ, обмануть людей. Не подозрѣвалъ, что съ нимъ повторилось то, что было съ древнимъ Адамомъ. Роль змія сыгралъ тутъ незримый Духъ времени (столь незримый, что самъ Гегель, а за Гегелемъ и мы всѣ готовы его принять не за мифологическое существо, а за чистое понятіе). *Eritis sicut dei scientes bonum et malum*. Гегель, много болѣе безпечный, чѣмъ Декартъ, прямо такъ и говорилъ, что, сорвавши плодъ съ дерева познанія, люди стали какъ боги. Тайна исчезла изъ міра, все приняло рѣзкія, опредѣленные очертанія, все стало яснымъ и отчетливымъ.

Вы понимаете теперъ Паскаля. Всѣмъ существомъ

своимъ онъ чувствовалъ, что ясность и отчетливость и постоянный Богъ, который не можетъ и не хочетъ обманывать людей, есть начало смерти и уничтоженія. И Спиноза это чувствовалъ. Но пути Господа неисповѣдимы. Какъ пророкъ Исая, Спиноза услышалъ голосъ Бога: кого пошлю, кто пойдетъ? И онъ отвѣтилъ: вотъ я, пошли меня. И когда Богъ повелѣлъ ему, поиди и скажи всѣмъ народамъ міра — Спиноза пошелъ и сказалъ имъ тѣ страшныя слова, которыя я уже приводилъ: воля и разумъ Бога имѣютъ столько же общаго съ волей и разумомъ человѣка, сколько созвѣздіе Пса съ псомъ, лающимъ животнымъ. Иначе говоря: написанное въ Библии «человѣкъ созданъ по образу и подобію Божию» — ложь и выдумка. Правду знали греки, до которыхъ дошла мудрость дальняго востока. Не Богъ создалъ человѣка, а человѣкъ самъ, преступно и нечестиво, вырвался къ бытію. Бога, творца земли и неба, свободно создавшаго человѣка, быть не должно. Такой богъ — мифъ. Такого Бога убить падо. И убить Его долженъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ, тотъ, кто больше всѣхъ другихъ любилъ Его. Мы помнимъ разсказъ о томъ, какъ Богъ искушалъ Авраама — велѣлъ ему принести себѣ въ жертву единственнаго сына Исаака. Но, въ послѣднюю минуту ангель отвелъ руку отца-убійцы. Спинозѣ же пришлось довести до конца страшное дѣло. Ангель не прилетѣлъ и не отвелъ его руки, и тотъ, кто больше всего любилъ Бога, оказался Его убійцей.

III

Еще историческая справка: по необходимости краткая. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ пришелъ къ народамъ Европы свѣтъ съ востока — *lux ex oriente* — т. е. Библия. И западные народы, какъ учитъ наша исторія, приняли этотъ свѣтъ и узнали въ немъ истину.

Но, еще за двадцать лѣтъ до начала нашей эры, въ Александріи явился загадочный человѣкъ, по имени Филонъ. Онъ не былъ крупнымъ или оригинальнымъ мыслителемъ. Это — не Плотинъ, не Декартъ и не Спиноза. И все таки судьба или, въ терминологіи Гегеля, Духъ времени, возложила на него колоссальную историческую миссію. Ему было предназначено «примирить» Библию съ эллинской философійю, иначе говоря логось съ Богомъ.

Филонъ выполнилъ свою миссію, Библия примирилась съ logos'омъ и послѣ того была принята европейскими народами.

Въ чемъ же состояло примиреніе? Ученіе о логосѣ, какъ это сейчасъ всѣми признано, достигло своего расцвѣта въ стоической философіи и нераздѣльно связано съ ней. И вообще, стоическая философія въ гораздо большей степени опредѣлила судьбы европейской мысли, чѣмъ это принято думать. Послѣ стоиковъ философу уже нельзя было быть не стоикомъ. Стоики провозгласили — *πάς ἄνθρωπος ραίοντι* — всякій, кто не подчиняется разуму — безумству. Или въ болѣе популярномъ, но за то и въ болѣе откровенномъ выраженіи Сенеки — *si vis tibi omnia subijcere te subijce rationi*. Въ этомъ сущность стоицизма: нужно разъ, *одинъ разъ* покориться т. е. отречься отъ себя предъ безличнымъ разумомъ, предъ «закономъ», — и тогда побѣда, какія хочешь побѣды тебѣ обеспечены. Думаю, что не требуется особенно много проникательности, чтобъ открыть подъ заповѣдями стоиковъ старую анаксимандровскую мысль: люди нечестиво, преступно вырвались къ свободному бытію и проклятію преступленія съ нихъ не можетъ быть снято до тѣхъ поръ, пока они не признають своего преступленія и не искупаютъ свое дерзновеніе (τόλμα) вѣчной покорностью сверхличному, лучше — безличному началу. А что было въ началѣ? Плотинъ, послѣдній великій древній философъ, претворившій въ себѣ все, что до него создала эллинская мысль говорилъ: *ἀρχή οὐκ ἔστι λόγος καὶ πάντα λόγος* — въ началѣ разумъ и все есть разумъ. И соотвѣтственно этому начало зла — дерзновенное нежеланіе человѣка преклониться предъ премірнымъ логосомъ, премірнымъ закономъ.

У Плотина есть и другіе мотивы. Плотинъ, какъ и Платонъ, какъ и Спиноза, являлъ въ себѣ загадочнѣйшее *complexio oppositorum*, въ немъ соединялись стремленія, совершенно другъ друга исключающія. Тотъ же Плотинъ училъ, что нужно *ἔραρειν ἐπὶ τῆ ἐπιστήμῃ*. (взлетѣть надъ знаніемъ) (т. е. надъ logos'омъ который былъ въ началѣ) и въ несравненныхъ псалмахъ прославлялъ экстагическія «выхожденія» т. е. освобожденіе все отъ того же безличнаго и бездушнаго логоса-закона. Но Плотинъ псалмопѣвецъ «историческаго» значенія не имѣлъ. Имъ вдохновлялись отдѣльные — хотя и замѣчательные люди — Діонисій Ареопагитъ, бл. Августинъ, средневѣковые мисти-

ни. Философіи же онъ остался этой своей стороною совершенно чуждъ: философіи нужны не вдохновенные псалмы, а адекватныя, т. е. отчетливыя и ясныя идеи. Философія тоже, вѣдь хочетъ быть исторической силой, хочетъ вліять, побѣждать, владѣть умами, направлять человѣчество. А мы помнимъ откровенное признаніе Сенеки: если хочешь все покорить себѣ, самъ покорись разуму, т. е. логосу. И Библия т. е. библейская философія, цотолѣ ревниво оберегавшаяся однимъ маленькимъ народомъ, и стоявшая въ сторонѣ отъ широкой исторической арены, въ тотъ моментъ, когда ей предстало выйти на мировое поприще и подчинить себѣ человѣчество, стала предъ необходимостью подчиниться логосу. Иначе побѣда была невозможна...

Кого послать? Кто пойдетъ на такое дѣло? Филонъ взялся за это. Онъ, первый апостоль языкъ, подвелъ Библию къ разуму и принудилъ ее разуму поклониться. Въ Библии есть все, чему учили ваши мудрецы — такъ «примирилъ» онъ lux ex oriente съ тѣмъ lumen naturale, который въ теченіи столькихъ столѣтій свѣтилъ эллинскому міру. Это значило, что lux ex oriente долженъ померкнуть предъ безсмертнымъ солнцемъ естественнаго разума. Въ 4-е Евангеліе вписали: ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος и культурные народы согласились принять Библию, ибо въ ней было все то, чѣмъ они привыкли побѣждать.

Полторы тысячи лѣтъ разумъ европейскаго человѣчества старался всѣми способами погасить пришедшій съ востока свѣтъ. Но свѣтъ все не потухалъ. И вотъ вновь послышался загадочный призывъ: кого послать Мнѣ, кто пойдетъ для Меня? Десятки, сотни замѣчательныхъ людей радостно и съ ликованіемъ отозвались на призывъ. Историки называютъ это торжественнымъ именемъ: возрожденіе наукъ и искусствъ. Но никто, даже, повидимому, самъ гениальный Декартъ, не понялъ, что требовалось. Всѣ дѣлали только половину дѣла. Всѣ еще «мирили» Библию съ логосомъ. Боялись, не смѣли люди поднять руку на Творца своего. Всѣ предпочитали не ставить рокового вопроса. Пусть лучше, какъ пошло отъ Филона, считается, что разумъ не противорѣчитъ откровенію. Или, какъ Декартъ училъ, Богъ не можетъ и не хочетъ обманывать людей и то, что открываетъ намъ lumen naturale, не можетъ не согласоваться съ тѣмъ, что открываетъ lumen supernaturale. Декартъ былъ глубоко искреннимъ

человѣкомъ. Онъ не возставалъ противъ Библіи вовсе не потому, что боялся, какъ писалъ Боссюэтъ, и какъ за Боссюэтомъ повторяютъ историки, преслѣдованій церкви. Онъ боялся — и какъ боялся! — не церкви, а того, что на современномъ языкѣ называется судомъ совѣсти, а на болѣе выразительномъ языкѣ средневѣковья называлось страшнымъ судомъ. Выйти къ людямъ и возвѣстить, что Бога нѣтъ! Пойти и своими руками убить Бога, который столько тысячелѣтій былъ живымъ и которымъ всѣ люди жили?! De omnibus dubitandum, училъ Декартъ. И онъ могъ во многомъ, очень многомъ усомниться, но это было для него несомнѣннымъ: если бы самъ Богъ повелѣлъ ему убить Себя, на такое преступленіе онъ бы не пошелъ. Можно, по требованію Бога, совершить убійство, можно принести въ жертву Богу отца, мать, первенца своего, даже весь міръ — но человѣкъ не можетъ сознательно убить своего Бога, если бы даже Онъ самъ того потребовалъ съ той ясностью и отчетливостью, которая исключаетъ возможность ошибочнаго пониманія... Но, не исполнить волю Бога нельзя. Къ великому преступленію, совершенному новымъ временемъ, Декартъ прибѣгнулъ. Богъ не *можетъ* обманывать людей — развѣ это не было первымъ смертельнымъ ударомъ, нанесеннымъ Богу однимъ изъ многочисленныхъ заговорщиковъ — если хотите невольныхъ сомнамбулъ — эпохи возрожденія? Богъ не можетъ обмануть, Богъ еще многого не можетъ. Надъ Богомъ цѣлый рядъ, цѣлая система «не можетъ», которыхъ люди, чтобъ скрыть отъ себя ихъ смыслъ и значеніе, назвали почетнымъ именемъ *veritates aeternae*. Убивая Бога, Декартъ думалъ, что онъ только служитъ наукѣ. И, какъ помнимъ, радовался, ликовалъ, пѣлъ. Вся эпоха возрожденія, послѣднимъ представителемъ которой былъ Декартъ, радовалась и ликовала. Окончилась средневѣковая ночь! Наступило ясное, свѣтлое, веселое утро...

А голосъ все продолжалъ взывать: кого пошлю, кто пойдетъ для Меня? Кто нанесетъ послѣдній ударъ? Гдѣ тотъ Врутъ, который убьетъ своего лучшаго друга и благодѣтеля, Цезаря? И вотъ, говорю, на этотъ зовъ откликнулся Спиноза. Спиноза рѣшился сдѣлать то, на что до него никто не рѣшался. Филонъ, мы знаемъ, «примирилъ» Библію съ эллинской мудростью т. е. сдѣлалъ видъ, что при посредствѣ проникновеннаго истолкованія Платона, Аристотеля и стоиковъ можно найти въ прев-

ней философіи оправданіе Библии. Возрожденіе — все вплоть до Декарта включительно — слѣдовало по стопамъ Филона. Но отъ Спинозы потребовалось большее. И, страннымъ образомъ — можетъ быть именно потому съ него потребовалось то, отъ чего другіе были освобождены, что ему это было труднѣе, невозможнѣе сдѣлать, чѣмъ кому бы то ни было. Онъ, возлюбившій своего Господа Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и душой — сколько разъ и съ какой силой говорить онъ объ этомъ и въ своихъ раннихъ произведеніяхъ, и въ этикѣ — онъ былъ обреченъ самимъ Богомъ на убійство Бога. Наступили сроки, человѣкъ долженъ былъ убить Бога — но кто же можетъ убить Бога такъ, какъ тотъ, кто возлюбилъ Его больше всего на свѣтѣ? Или лучше: Бога только тотъ и можетъ убить, кто возлюбилъ его больше всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. Только такому и повѣрять люди, что онъ и въ самомъ дѣлѣ, а не на словахъ лишь, совершилъ это злодѣяніе изъ злодѣяній, этотъ подвигъ изъ подвиговъ...

И точно — достаточно увидѣть глаза Спинозы, не тѣ, конечно, что на его портретѣ, а тѣ крошечкіе и неумолимые глаза, oculi mentis, которые глядятъ на насъ изъ его книгъ и писемъ, достаточно услышать его медленную, тяжелую поступь, поступь мраморной статуи командора, и всѣ сомнѣнія уйдутъ прочь: этотъ человѣкъ совершилъ величайшее изъ преступленій и принялъ на себя всю нечеловѣческую тяжесть отвѣтственности за содѣянное. Сравните — еще разъ скажу, — Спинозу съ его великимъ предшественникомъ и учителемъ, Декартомъ — у него нѣтъ и слѣда той буйной радости и безпечнаго ликованія, которыми одушевлены поэмы трактаты этого послѣдняго, его *principia*, *meditationes*, *discours*. Сравните Спинозу съ его отдаленнымъ наслѣдникомъ — Гегелемъ. Гегель весь живетъ тѣмъ, что получилъ отъ Спинозы. Но преступленіе совершено не имъ, а другимъ. Гегель законный владѣлецъ «духовныхъ» благъ и пользуется ими спокойно и увѣренно, ни мало не подозревая и даже не давая себѣ труда справиться, какимъ способомъ добыты доставшіяся ему, по праву наслѣдства, богатства. Спиноза же только твердитъ: *non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere* — не нужно не смѣяться, ни плакать, ни проклинать. Что дадутъ слезы и проклятія? Свершилось, страшное дѣло сдѣлано, исправить его уже нельзя. А смѣяться — развѣ можетъ смѣяться человѣкъ, который

убилъ Бога? Нельзя смѣяться, никто никогда уже въ этомъ мірѣ смѣяться не будетъ. Или даже не такъ. Вѣдь другіе люди неповинны въ преступленіи Спинозы и не отвѣчаютъ за него. И Спиноза, только что сказавшій, что нельзя ни смѣяться, ни проклинать, ни огорчаться, не замѣчая даже, что его могутъ уличить въ противорѣчій — ему уже не до противорѣчій! — учить своихъ ближнихъ, что имъ можно и веселиться, и смѣяться, и радоваться всеѣмъ тѣмъ радостямъ, которыми богата повседневная жизнь. У нихъ, у этихъ людей, которые и не подозреваютъ, что кроется подъ ясной и отчетливой видимостью и какія страшныя дѣла происходятъ въ подлунномъ мірѣ, у нихъ и жизнь должна быть спокойной и легкой. Имъ, говорить онъ, не слѣдуетъ даже отравлять свое существованіе страхами и надеждами. *Affectus metus et spei non possunt per se esse boni*. Живите, ни о чемъ не думая, за васъ думаютъ другіе. Путь, который онъ самъ избралъ — трудный, крутой, мучительный путь и годенъ только для немногихъ, можетъ быть только для одного: *optima praeclara tam difficilia quam rara sunt*. Все, что «прекрасно» такъ трудно и потому рѣдко кому доступно. Объ этомъ «трудномъ» онъ очень мало, почти ничего не рассказываетъ. Только время отъ времени, словно противъ воли, вспыхиваютъ у него признанія, которыя, если ихъ собрать вмѣстѣ и противопоставить тому, что обычно принято называть «ученіемъ» Спинозы, уясняютъ намъ смыслъ того, что мы, вслѣдъ за Гегелемъ, называемъ духомъ времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, чего Гегель не зналъ и, что понимая самъ Спиноза подъ словами *sub specie aeternitatis*. Когда въ человѣкѣ говоритъ Духъ времени, когда онъ служитъ исторіи — въ этомъ выражается, вопреки Гегелю, не его истинная сущность, а то, что въ немъ есть наиболѣе внѣшняго, наноснаго, поверхностнаго — внутренне ему совершенно чуждаго и даже враждебнаго. Послушный Духу времени, Спиноза излагаетъ Декарта и прославляетъ ясность и отчетливость. Но въ глубинѣ души Спиноза, какъ и Паскаль, благоговѣнно чтитъ Тайну, презираетъ и ненавидитъ все, что познается отчетливо и ясно. Явное нужно для всѣхъ, для толпы, о которой онъ самъ говоритъ *terret vulgus, nisi paveat*. Толпу приходится держать въ уздѣ, пугать законами и наказаніями для ослушниковъ ясныхъ и отчетливыхъ требованій законовъ. Самъ же Спиноза не забывалъ словъ ап. Павла: законъ пришелъ,

чтобъ умножилось преступленіе. Пророки и Апостолы не считаются ни съ временемъ, ни съ исторіей, въ которой развивается, по Гегелю, духъ времени. Духъ пророковъ и апостоловъ дышетъ, гдѣ хочетъ. Ихъ истины, выражаясь словами Спинозы, не истины исторіи, а истины *sub specie aeternitatis*.

IV

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ философовъ, Анри Бергсонъ, въ своей первой книгѣ пишетъ: *le moi, infaillible dans ses constatations immédiates, se sent libre et le declare.* По русски — «наше Я, непогрѣшимое въ своихъ непосредственныхъ констатированіяхъ, чувствуетъ себя свободнымъ и заявляетъ это». Главы этой удивительной книги, которыя посвящены изслѣдованію свободы воли, принадлежатъ къ лучшему изъ того, что появилось за послѣднія десятилѣтія въ философской міровой литературѣ. И вообще глубина проникновенія Бергсона поражаетъ. Тѣмъ болѣе странно, какъ могъ онъ написать приведенную фразу. Непосредственное констатированіе, вѣдь, предполагаетъ не «наше» Я, а мое Я. Наше Я, т. е. Я вообще, *le moi* — не есть само нѣчто непосредственно данное и тѣмъ менѣе можетъ оно что либо непосредственно констатировать. Бергсонъ, если онъ не хотѣлъ выходить за предѣлы непосредственнаго констатированія, могъ только сказать: мое Я чувствуетъ себя свободнымъ и заявляетъ объ этомъ. Но утверждать, что всякое Я чувствуетъ себя свободнымъ онъ права не имѣлъ: это — ошибка, которая въ логикѣ именуется *παράλογος εἰς ἄλλο γένος*. Вѣдь нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что одни Я чувствуютъ себя свободными, а другіе — несвободными. И, если непосредственное констатированіе непогрѣσιμο, то въ тѣхъ случаяхъ, когда мы сталкиваемся съ двумя противоположными утвержденіями, намъ ничего больше не остается, какъ принять и то, и другое, несмотря на то, что они, какъ будто взаимно исключаютъ другъ друга. Я Бергсона чувствуетъ себя свободнымъ — возражать ему не приходится. Но Я другого человѣка не чувствуетъ себя свободнымъ — ему тоже возражать нельзя. Проблема «свободы воли» при этомъ усложняется до безконечности. Но, вообще, если признать непосредственныя констатированія непогрѣшимыми, философія,

по самому своему предмету, окажется въ исключительно трудномъ положеніи: ей придется — пойдеть ли она когда нибудь на это? — отказаться отъ общихъ сужденій. Какъ можно быть увѣреннымъ, что *всѣ я всегда* будутъ одинаково чувствовать и одинаково констатировать? Бергсонъ, мы слышали, чувствуетъ себя свободнымъ. А у Спинозы мы встрѣчаемъ совсѣмъ иное свидѣтельство. Онъ настойчиво и убѣжденно много разъ повторяетъ, точно молотомъ вбиваетъ, что чувствуетъ себя не свободнымъ (см. въ особенности письмо L VIII, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: *ego sane, ne meae conscientiae hoc est ne rationi et experientiae contradicam, nego, me ulla absoluta cogitandi potentia cogitare possem, quod vellem et quod non vellem scribere*), что чувство свободы есть иллюзія, что камень, если бы былъ онъ одаренъ сознаніемъ, былъ бы увѣренъ, что онъ свободно падаетъ на землю, хотя для насъ совершенно очевидно, что онъ не падать не можетъ. И всѣ эти утвержденія Спинозы — не теорія, не «натурализмъ» и не «выводы» изъ общихъ положеній, это — свидѣтельство опыта, голосъ глубочайшихъ и серьезнѣйшихъ внутреннихъ переживаній. О такихъ же переживаніяхъ свидѣтельствовали намъ съ такой же силой и настойчивостью и другіе люди, которыхъ мы никоимъ образомъ не можемъ причислить къ «натуралистамъ» и въ правдивости которыхъ мы усомниться не вправѣ. Вспомните хотя бы «*de servo arbitrio*» Лютера, написанную имъ въ отвѣтъ на *diatribae de libero arbitrio* Эразма Роттердамскаго.

И еще поразительно, что Спиноза въ разные періоды своей жизни разнo «чувствовалъ». Когда онъ писалъ свои «*cogitata metaphysica*» — онъ рѣшительно утверждаетъ, что воля свободна — *dari voluntatem*. Въ «этикѣ» и въ письмахъ онъ столь же рѣшительно утверждаетъ противоположное. Если считаться съ закономъ противорѣчія, приходится сказать, что либо въ первомъ, либо во второмъ случаѣ онъ говорилъ неправду. Но, если съ этимъ «закономъ» не считается, если принять, какъ правильно учить Бергсонъ, что наше Я непогрѣшимо въ своихъ непосредственныхъ констатированіяхъ, то мы придемъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ или, точнѣе, къ великой загадкѣ: не только воля однихъ людей свободна, а другихъ несвободна, но даже воля одного и того же человѣка въ одни періоды его жизни бываетъ свободна,

а въ другіе несвободна. Когда Спиноза писалъ *cogitata metaphysica*, его воля еще была свободна. Когда онъ писалъ «этику», его воля уже была закрѣпощена: ей овладѣла какая то сила, которой онъ подчинялся съ той же покорностью, съ какой камень покоряется законамъ паденія или притяженія. Не онъ уже говорилъ, а въ немъ, изъ него что-то говорило, повидимому, именно тотъ «духъ времени» въ которомъ Гегель видѣлъ и привѣтствовалъ движущую силу исторіи. Или, если вы не боитесь библейскихъ метафоръ, Спиноза говорилъ не то, что хотѣлъ, а что ему повелѣлъ говорить Богъ. И уже все равно, принималъ или не принималъ онъ то, что онъ возвышалъ людямъ: не возвыщать онъ не могъ. Поди скажи своему народу, или даже не своему народу, а всѣмъ народамъ — Спиноза, какъ и Филонъ, былъ апостоломъ языковъ, т. е. обращался ко всему человѣчеству — и такъ говори, чтобы они глядѣли и не видѣли, слушали и не понимали, чтобы ожесточились ихъ сердца и ослѣпили ихъ глаза.

Такъ Спиноза и принужденъ былъ сдѣлать. Если хотите обрѣсти истину, училъ онъ, обо всемъ забудьте, и прежде всего забудьте библейское откровеніе, помните только математику. Красота, безобразіе, добро, зло, хорошее, дурное, радость и горе, страхъ и надежда, порядокъ и безпорядокъ — все это — «человѣческое», все это — преходящее и къ истинѣ никакого отношенія не имѣетъ. Вы думаете, что Богъ печется о нуждахъ людей? Что Онъ міръ создалъ для человѣка? Что Богъ преслѣдуетъ высокія цѣли? Но тамъ, гдѣ цѣли, тамъ гдѣ забота, гдѣ радость и горе — тамъ нѣтъ Бога. Чтобы постичь Бога, нужно стараться освободиться и отъ заботъ, и отъ радостей, и отъ опасеній и отъ надеждъ, и отъ всѣхъ, великихъ и малыхъ цѣлей. Настоящее имя Богу — необходимость. *Res nullo alio modo a Deo produci potuerunt, quam productae sunt.* Какъ въ математикѣ всѣ теоремы, всѣ ея истины съ необходимостью, которая не знаетъ надъ собой никакихъ законовъ, вытекаютъ изъ основныхъ ея понятій, такъ и все въ мірѣ происходитъ съ такой же непреодолимой необходимостью и нѣтъ силы, которая могла бы бороться съ установленнымъ отъ вѣчности порядкомъ бытія. *Deus ex solis suae naturae legibus et a nemine coactus agit,* говоритъ Спиноза и тутъ же поясняетъ, что значать эти слова: *ex sola divinae naturae necessitate, vel (quod idem est) ex solis ejusdem naturae legibus.* Это — высшая истина.

которую дано постичь намъ и, постигши которую, мы добиваемся высшаго изъ существующихъ благъ — душевнаго удовлетворенія и спокойствія, *acquiescentia animi*. Не думайте, что добродѣтелями своими вы можете заслужить расположеніе Бога. Ежедневный опытъ учить насъ, что удачи и неудачи равно постигаютъ и благочестивыхъ и нечестивыхъ, и добродѣтельныхъ и порочныхъ. Такъ есть, такъ было и будетъ. Стало быть такъ и быть должно, ибо это вытекаетъ изъ необходимости божественной природы и нѣтъ ни нужды, ни возможности мѣнять существующій порядокъ вещей (Гегель потомъ говорилъ: *was wirklich ist — ist vernuenftig*). Да развѣ добродѣтели полагаются награда? Добродѣтель сама себѣ награда. Порокъ ищетъ награды — и получаетъ ее, ибо развѣ добродѣтели награда не нужна, а награда все таки на свѣтѣ бываетъ, то по необходимости награда достается пороку, который въ ней нуждается и охотно ее принимаетъ.

Спиноза не остановился на этомъ. Онъ говоритъ: *si homines liberi nascerentur, nullum boni et mali formarent conceptum quamdiu liberi essent*. И въ поясненіе этой своей истины, онъ ссылается на библейское сказаніе о грѣхопадѣніи. Способность отличать добро отъ зла не была свойственна первому человѣку т. е. «по своей природѣ» порокъ отъ добродѣтели ничѣмъ не отличается. И это не помѣшало Спинозѣ весь «теолого-политическій трактатъ» свой, имѣвшій такое колоссальное историческое значеніе (имѣ, между прочимъ опредѣлилась новѣйшая протестантская — да и не только протестантская теологія) посвятить доказательству той мысли, что Библія вовсе и не стремится научить человѣка истинѣ, что ея задача — только нравственная: научить человѣка жить въ добрѣ...

Но, какъ же въ такомъ случаѣ могло понасть въ Библію сказаніе о грѣхопадѣніи? И почему Библія начинаетъ съ того, что открываетъ людямъ совершенно непостижимую для ихъ разума Истину, что ихъ понятія о добрѣ и злѣ по существу совершенно иллюзорны, что, выражаясь словами апостола Павла, «законъ» пришелъ уже позже, т. е. когда началась исторія и пришелъ для того, «чтобы умножилось преступленіе», что первый человѣкъ не различалъ добра отъ зла, не зналъ закона, а когда сорвалъ и вкусилъ плодъ отъ дерева познанія добра и зла, т. е. когда сталъ отличать добро отъ зла, принялъ «законъ», онъ,

вмѣстѣ съ закономъ, принять и смерть? — Противорѣчіе совершенно явное и отнюдь не случайное, какъ не случайны всѣ противорѣчія, которыми насквозь пропитаны сочиненія Спинозы. Легенду о необыкновенной послѣдовательности Спинозы давно уже пора забыть. Она родилась на свѣтъ только благодаря внѣшней формѣ изложенія — якобы математической: опредѣленія, аксіомы, постулаты, леммы, доказательства и т. п. Система Спинозы соткана изъ двухъ совершенно непримиримыхъ идей: съ одной стороны «математическое» пониманіе міра (это то, что имѣло «историческое» значеніе и сдѣлало Спинозу столь «влиятельнымъ»): все въ мірѣ происходитъ съ той внутренней необходимостью, съ какою развиваются математическія истины. Когда одинъ изъ его корреспондентовъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ считаетъ свою философію лучшей философіей, онъ ему рѣзко отвѣтилъ: не лучшей считаю, а истинной. И, если спросишь почему, скажу: потому-же, почему ты считаешь, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ. На каждомъ шагѣ Спиноза говоритъ о математикѣ. Онъ заявляетъ, что люди никогда бы не узнали истины, если бы не было математики. Только математика владѣетъ истиннымъ методомъ изслѣдованія, только математика является вѣчнымъ и совершеннымъ образцомъ мышленія и именно потому, что она не говоритъ о цѣляхъ и нуждахъ человѣческихъ, а о фигурахъ, линіяхъ, плоскостяхъ, иными словами ищетъ «объективной» истины, которая существуетъ сама по себѣ, независимо отъ людей или иныхъ сознательныхъ существъ. Человѣкъ вообразилъ себѣ, что все создано ради него, что онъ образуетъ во вселенной какъ бы государство въ государствѣ. Конечно, въ Библии такъ и написано: Богъ, сотворивъ человѣка, сказалъ ему, что весь міръ ему принадлежитъ. Но это только «образныя выраженія», которыя слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Прирученный математикой къ яснымъ и отчетливымъ сужденіямъ разумъ видитъ, что человѣкъ только одно изъ безконечнаго количества звеньевъ природы, ничѣмъ отъ другихъ звеньевъ не отличающійся и что цѣлое, вся природа или Богъ или субстанція (какъ всѣ обрадовались, когда Спиноза назвалъ Бога субстанціей, столь «освобождающимъ» словомъ!) есть то, что надъ человѣкомъ и существуетъ ради себя — и даже не ради себя, такъ какъ всякое «ради» очеловѣчиваетъ міръ — а просто существуетъ.

И это цѣлое есть Богъ, разумъ и воля котораго имѣть столько же общаго съ разумомъ и волей человѣка, сколько созвѣздіе Пса съ псомъ дающимъ животнымъ, т. е. никакого разума и никакой воли у Бога быть не можетъ. Это человѣкъ долженъ прежде всего постичь. И постигши такого Бога — тутъ опять начинается «противорѣчіе», о которомъ я говорилъ — возлюбите его, по библейской заповѣди, всѣмъ сердцемъ и душой... Возлюбите Бога всѣмъ сердцемъ и душой! Почему съ такимъ требованіемъ обращаются не къ камню, дереву, плоскости или линіи — а къ человѣку, который какъ мы только что слышали, есть тотъ-же камень, дерево или плоскость? Такъ же можно и второй вопросъ предложить: почему любить Бога? Библия требовала любви къ Богу, это естественно: у библейскаго Бога былъ разумъ, была воля. Но какъ возлюбите Бога, который есть только причина, съ такою же необходимостью дѣлать то, что дѣлаетъ, какъ и всякій неодушевленный предметъ? Спиноза называетъ, правда, Бога свободнымъ, такъ какъ онъ дѣйствуетъ по законамъ своей природы. Но, вѣдь, по законамъ природы все дѣйствуетъ. Самъ Спиноза такъ заканчиваетъ вступленіе къ 3-ей части своей этики: «я буду говорить о природѣ и силѣ страстей и о власти души надъ страстями, пользуясь тѣми же методами, которыми я пользовался въ предыдущихъ частяхъ своего сочиненія, когда говорилъ о Богѣ и душѣ, и человѣческіе поступки и побужденія разсматривать такъ, какъ если бы дѣло шло о линіяхъ, плоскостяхъ или тѣлахъ». Спрошу еще разъ: если о Богѣ, о душѣ, о человѣческихъ страстяхъ мы судимъ такъ-же, какъ о линіяхъ, плоскостяхъ и тѣлахъ, то что дастъ намъ право требовать или хотѣть бы совѣтовать человѣку любить Бога, а не плоскость, камень или чурбанъ? И почему съ требованіемъ любви обращаются къ человѣку, а не къ линіи или обезьянѣ? Ничто изъ того, что есть въ мірѣ не вправѣ претендовать на исключительное положеніе: всѣ вѣдь «вещи» во всей вселенной съ равной необходимостью вышли изъ вѣчныхъ законовъ природы. Зачѣмъ же Спиноза, который такъ негодовалъ, когда люди представляли себя природѣ, словно желая образовать государство въ государствѣ, самъ выдѣляетъ человѣка, какъ что-то *toto coelo* отличное и отъ плоскости, и отъ линіи, и отъ чурбана и отъ обезьяны, предъявляетъ къ нему требованія, вводитъ оцѣнки, рисуетъ идеалы и т. п.? Зачѣмъ онъ заводитъ «государство

въ государствѣ», зачѣмъ въ своемъ главномъ произведеніи — оно не даромъ названо этикой — онъ не подчинился безропотно математикѣ и, несмотря на данный такъ торжественно обѣтъ, говорить о человекѣ такъ, какъ никогда ни одинъ математикъ не говорилъ о треугольникахъ и перпендикулярахъ? И это тотъ Спиноза, которому Богъ велѣлъ пойти къ людямъ и ослѣпить ихъ? Чтоже — онъ не выполнилъ воли Бога? Воспротивился тому, кому никто противиться не могъ?...

Конечно, нѣтъ. Воля Бога была исполнена. Разъ Спиноза на призывъ: «кого пошлю?», отвѣтилъ — «вотъ я, пошли меня», онъ уже не могъ уклониться отъ своей «исторической» миссіи, какъ не могли уклониться Декартъ и другіе великіе сыновья ранняго и поздняго возрожденій. Спиноза *убилъ Бога*, т. е. научилъ людей думать, что Бога нѣтъ, что есть только субстанція, что математическій методъ (т. е. методъ безразличнаго, объективнаго или научнаго изслѣдованія) есть единственный истинный методъ исканія, что человекъ не составляетъ государства въ государствѣ, что Библия, пророки и апостолы истины не открывали, а принесли людямъ только нравственныя поученія и что нравственныя поученія и законы вполнѣ могутъ замѣнить Бога, несмотря на то, что, если бы человекъ рождался свободнымъ или если бы онъ не сорвалъ плода съ запретнаго дерева, то онъ не различалъ бы добра и зла, что вообще не было бы добра и зла, а все было бы «добро зѣло», т. е. все было бы такимъ какимъ представлялось Богу, когда онъ, сотворивши міръ не по законамъ своей природы, а по своей собственной волѣ, глядѣлъ на него и радовался. Но этого божескаго «взгляда», который былъ у перваго человека до грѣхопаденія, людямъ уже не суждено имѣть. «Ослѣпи ихъ сердце, чтобъ они глядѣли и не видѣли». Или видѣли ясно и отчетливо, *clare et distincte* — но не то, что есть и вмѣстѣ съ тѣмъ были убѣждены, что то, что они видятъ ясно и отчетливо, есть то, что видѣлъ самъ Богъ въ седьмой торжественный день, когда Онъ, отдыхая отъ трудовъ, любовался Своимъ міромъ.

Все это сдѣлалъ Спиноза. Онъ внушилъ людямъ, что можно любить Бога всѣмъ сердцемъ и душой, какъ любилъ Его псалмопѣвецъ и любили пророки — даже и тогда, если Бога нѣтъ, если на мѣсто Бога поставлена объективная, математическая, разумная необходимость

или идея человѣческаго добра, ничѣмъ отъ разумной необходимости не отличающаяся. И люди повѣрили ему. Вся современная философія, выражающая собою, въ общемъ, не то, чѣмъ люди живы, а что людямъ нашептываетъ Духъ времени, такъ убѣжденная въ томъ, что ся «видѣнія» или, какъ теперь говорятъ, «интуиція», есть полнота возможнаго видѣнія — не только для человѣка, но тоже для ангеловъ или боговъ (такъ теперь говорятъ — это не моя выдумка) цѣликомъ вытекла изъ Спинозы. Сейчасъ ужъ почти немислимо иное «миросозерцаніе», кромѣ «этического идеализма». Фихте совершенно убѣжденно говорилъ, что весь смыслъ христіанства въ первомъ стихѣ Іоанна: *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος*. Такъ же спокойно Гегель въ стоическомъ завѣтѣ самоотреченія отъ своей личности и растворенія ея въ субстанціи видѣлъ высшую задачу человѣка. Говорю «спокойно» — ибо въ этомъ была сущность. Ни Фихте, ни Гегель не убивали Бога. Бога убили другой. Они и не подозревали, что они наследовали *certitudinem*, добытую цѣной величайшаго преступленія. Они воображали, что это ихъ *certitudo*, это ихъ увѣренное видѣніе дано имъ самой природой. Когда они стоятъ лицомъ къ лицу съ очевидностью, имъ и въ голову не приходитъ, что ся источникъ можетъ быть такимъ страннымъ и таинственнымъ. Нашъ современникъ, Эдмундъ Гуссерль, прямой и законный духовный потомокъ Декарта, откровенно всегда на него ссылающийся, торжественно заявляетъ: *Evidenz ist in der Tat nicht irgendein Bewusstseinindex, der an ein Urteil angeheftet, uns wie eine mystische Stimme aus einer besseren Welt zuruft: Hier ist die Wahrheit!, als ob solch eine Stimme uns freien Geistern etwas zu sagen und ihren Rechtstitel nicht auszuweisen haette* (E. Husserl. *Ideen*, 300 стр). Да иначе и быть не могло. Богъ послалъ своего пророка, чтобъ онъ ослѣпилъ и связалъ людей, и чтобъ связанные и слѣпыя считали себя свободными и зрячими. Зачѣмъ такъ нужно было? Исайе объясняетъ: чтобъ они *обратились* и исцѣлились. Знали-ли это Спиноза, знаемъ ли мы, читающіе Исайю и Спинозу? Нельзя не только отвѣтить — нельзя и задавать такой вопросъ... Но сомнѣній быть не можетъ, что, идя по намѣченному Декартомъ пути, преодолевая дуализмъ протяженности и мышленія и создавая такъ восхищавшую Гегеля и сейчасъ восхищающую нашихъ современниковъ идею единой «субстанціи», Спиноза чув-

ствовавъ, что онъ убиваетъ Того, кого любилъ больше всего въ мірѣ. И убиваетъ по Его, божественному свободному повелѣнію и по собственному несвободному человѣческому хотѣнію. Прочтите строки, которыми начинается такъ мало, къ сожалѣнію, читаемый tractatus de emendatione intellectus. Это не декартовское ликующее de omnibus exregiturque nos aeternos esse — что безъ Бога нѣтъ жизни, что настоящая жизнь не въ перспективѣ исторіи — sub specie temporis, а въ перспективѣ вѣчности — sub specie aeternitatis. И это «смутное», скрытое, чуть видное и даже не всегда видное ему самому и другимъ «знаніе» сказывается во всей его философіи. Не въ тѣхъ ясныхъ и отчетливыхъ сужденіяхъ, которыя приняла отъ него исторія и которыя онъ самъ принялъ отъ Духа времени, а въ тѣхъ странныхъ, таинственныхъ, неумовимыхъ и не учитываемыхъ звукахъ, которыя, на нашемъ языкѣ, нельзя назвать даже и головами вопіющихъ въ пустынѣ, и которымъ имя — беззвучность. Великая, вѣчная Тайна въ страшныхъ словахъ пророка: Et audivi vocem Domini dicentis: quem mittam? Et quis ibit nobis? Et dixi: ecce ego, mitte me. Et dixit: Vade et dices populo huic: Audite audientes et nolite intelligere, et videte visionem et nolite cognoscere. Excaeca cor populi hujus et aures ejus aggravata; et oculos ejus claudene forte videat oculis suis et corde suo intelligat, et convertatur et sanem eum.

Онъ убьетъ Бога, онъ убилъ для исторіи Бога, но въ глубинѣ души своей онъ «смутно» чувствуетъ — sentimus exregiturque nos aeternos esse — что безъ Бога нѣтъ жизни, что настоящая жизнь не въ перспективѣ исторіи — sub specie temporis, а въ перспективѣ вѣчности — sub specie aeternitatis. И это «смутное», скрытое, чуть видное и даже не всегда видное ему самому и другимъ «знаніе» сказывается во всей его философіи. Не въ тѣхъ ясныхъ и отчетливыхъ сужденіяхъ, которыя приняла отъ него исторія и которыя онъ самъ принялъ отъ Духа времени, а въ тѣхъ странныхъ, таинственныхъ, неумовимыхъ и не учитываемыхъ звукахъ, которыя, на нашемъ языкѣ, нельзя назвать даже и головами вопіющихъ въ пустынѣ, и которымъ имя — беззвучность. Великая, вѣчная Тайна въ страшныхъ словахъ пророка: Et audivi vocem Domini dicentis: quem mittam? Et quis ibit nobis? Et dixi: ecce ego, mitte me. Et dixit: Vade et dices populo huic: Audite audientes et nolite intelligere, et videte visionem et nolite cognoscere. Excaeca cor populi hujus et aures ejus aggravata; et oculos ejus claudene forte videat oculis suis et corde suo intelligat, et convertatur et sanem eum.

Л. Шестовъ.

Парижъ, 8 іюня 1922 г.